

Фонтенель

Похвальное слово царю Петру I¹

Поскольку нет примера, чтобы академия слагала похвальное слово государю, прославляя в его лице, если можно так сказать, одного из своих членов, мы обязаны предупредить, что рассматриваем покойного царя не только в качестве академика, но академика-монарха и императора, который учредил науки и искусства на обширных подвластных ему территориях; и если мы его рассматриваем как воителя и завоевателя, то лишь потому, что он дал своим подданным понимание военного искусства.

Московия или Россия была еще почти в таком состоянии невежества и грубости, которое свойственно начальным этапам истории народов. Нельзя сказать, что в москвитях не было живости, проницательности, таланта и умения подражать тому, что они могли видеть; но всякое производство было подавлено. Крестьяне, рожденные в рабстве, и беспощадно угнетенные своими господами, довольствовались лишь тем, чтобы примитивное земледелие доставляло им минимальное пропитание; они не могли и не смели обогащаться. Сами господа не смели казаться богатыми; а ведь искусства — это плоды богатства и мудрости правительства. Военное искусство, к сожалению столь же необходимое, как земледелие, было в таком же небрежении. Поэтому москвиты распространяли свое владычество лишь на Севере и на Востоке, где они находили еще более варварские народы, а не на Юге и не на Западе, где находились шведы, поляки и турки. Политика царей удаляла от военной деятельности вельмож и дворян, которые дошли до того, что рассматривали свою недостойную праздность как почетное избавление. И если некоторые из них служили, то становились командирами благодаря происхождению, а не служебному опыту. В войска приглашали много немецких офицеров, но большинство из них были простыми солдатами в своей стране, и, став офицерами лишь потому, что находились в Московии, они плохо знали свою новую должность. Русские войска, набранные насильно, состоявшие из подлой черни, не привыкшей к дисциплине и командам, не могли противостоять врагам, привыкшим к войне. И если счастливое стечение обстоя-

¹ Перевод выполнен С.А. Мезиным по изданию: *Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er // Oeuvres complètes*. Genève, 1968. Т. 1. Р. 338–356.

тельств давало им в руки победу, они оставались к ней равнодушными. Главную силу империи составляли стрельцы — войско подобное турецким янычарам: они представляли опасность для своих государей в той же мере, как государи, опиравшиеся на янычар, были опасны для других народов.

Слабая и немощная торговля целиком находилась в руках иностранных купцов, которые обманывали невежественное и ленивое местное население. У московитов не было ни военных, ни торговых кораблей, а Архангельским портом пользовались лишь иностранцы.

Само христианство, которое требует некоторых знаний, по крайней мере, от духовенства, оставляло священников в таком же мраке невежества, в каком находился народ; все знали лишь, что они принадлежат к греческой религии, и что им следует ненавидеть латинян. Никто из духовенства не был способен к проповедничеству перед столь простодушной публикой; в самых древних и богатых монастырях почти не было книг, даже притом что они не читались. Повсюду царствовала крайняя развращенность нравов и чувств, которая даже не была прикрыта, как в других местах, внешней благопристойностью или видимостью знания или внешними прикрасами. Притом этот самый народ был крайне горд, полон презрения к тому, чего он совсем не знал; и таковое высокомерие есть верх невежества. Цари способствовали этому, не позволяя их подданным путешествовать: может быть, они боялись, что тем они откроют глаза на их бедственное положение. Московитский народ мало известный даже ближайшим соседям, был совершенно посторонним для европейской системы, имел лишь слабые связи с другими державами и малое уважение с их стороны; лишь время от времени едва доходили сведения о каких-то важных переворотах.

Таково было состояние Московии, когда у царя Алексея Михайловича и его второй жены Наталии Кирилловны 11 июня 1672 года родился царевич Пётр². Царь умер в 1676 году; его старший сын Федор наследовал ему и умер в 1682 году, процарствовав 6 лет. Царевич Пётр, имея лишь 10 лет от роду, был провозглашен царем в обход брата Ивана, который был хотя и старшим, но слабым здоровьем и умом. Стрельцы, подстрекаемые царевной Софьей, которая надеялась оказывать влияние на своего неспособного к правлению брата по отцу и матери, подняли восстание в пользу Ивана. Чтобы погасить гражданскую войну, было принято решение, что два брата будут царствовать вместе.

Став царем в столь нежном возрасте, Пётр был очень плохо образован не только из-за общей порочности московитского образования, но и вследствие обычного образования царевичей, которое портилось лестью в том возрасте, когда необходимо прививать правила и истины, а еще и стараниями царевны Софьи, которая уже достаточно знала Петра, чтобы опасаться того, что однажды он станет неуправляемым. Она окружила его людьми,

² Пётр I родился 30 мая / 9 июня 1672 года. *Здесь и далее примечания переводчика.*

способными задушить его природные задатки, испортить его, изнежить удовольствиями. Однако хорошее образование не создает великого человека, а плохое его не портит. Разного рода герои выходят готовыми из рук природы, снабженные непревзойденными качествами. Склонность царя Петра к военным занятиям заявила о себе уже в ранней молодости; он увлекался барабанным боем; и он не просто развлекался как ребенок, но изучал должность солдата, стремился достичь умения до такой степени, что обучал других солдат, у которых это получалось не так ловко, как у него.

Царь Фёдор любил пышность в одеждах и в экипажах. Пётр же, хотя и задетый этой пышностью, которую он считал бесполезной и дорогостоящей, с удовольствием замечал, что его подданные, бывшие до сих пор бесконечно далекими от всякой роскоши, постепенно приобретали к ней вкус.

Пётр понимал, что наилучшим образом может действовать своим примером. Он составил роту из 50 человек под командованием иностранных офицеров — все они имели форму и выполняли военные упражнения на немецкий манер. Сам он принял в этой войске младший чин — звание барабанщика. Это не было пустым представлением, служащим лишь для развлечения и шуток царевича и его двора. Он запретил своему капитану вспоминать, что он есть царь: он служил с тщательностью и подчинением, которых требовала его должность. Он жил на свое жалование и спал в палатке барабанщика. Он стал сержантом, заслужив звание по решению офицеров, которых он мог бы наказать за излишне благоприятное мнение о себе. Он продвигался по службе как выслужившийся солдат, повышение которого было одобрено его товарищами. Таким образом он хотел приучить своих вельмож к мысли, что одного происхождения совсем недостаточно для получения военных отличий, и показать всем подданным значение выслуги для получения чинов. Низшие должности, которые он прошел, суровая жизнь, которую он испытал, давали ему право требовать от подданных того же в большей степени, чем могла дать его деспотическая власть.

К этой первой роте из 50 человек он прибавил новые — всегда под началом иностранцев, всегда обучаемые на немецкий манер, и наконец он сформировал значительное войско. Поскольку время было мирное, он заставлял свои войска сражаться между собой или представлять осады крепостей. Он давал своим солдатам опыт, который не стоил пока крови, он испытывал их мужество и готовил к победам.

Стрельцы смотрели на все это как на потехи молодого царя, и сами забавлялись новыми зрелищами, которые им представлялись. Между тем, эта игра касалась их более, нежели они думали. Царь, видя, сколь они сильны и притом привязаны к царевне Софье, лелеял в глубине души замысел их уничтожить. Он хотел обезопасить себя войсками — и лучше обученными, и более преданными.

В то же время царь преследовал еще одну важную и труднодостижимую цель. Голландский ботик, который он нашел на пруде одной из своих летних резиденций, где он оставался брошенным и бесполезным, поразил

его. И он дошел до мысли о создании флота, какой бы смелой эта мысль ни казалась даже ему самому.

Сначала он приказал неким голландцам построить маленькие суда в Москве, потом — четыре четырехпушечных фрегата на Переславском озере. Он их учил уже сражаться друг с другом. Две следующие кампании он плавал у Архангельска на голландских и английских судах, чтобы самому овладеть всеми морскими навыками.

В начале 1696 года умер царь Иван, и Пётр, став единовластным, почувствовал себя в состоянии осуществить то, что не мог сделать при разделенной власти. Начало его нового царствования было ознаменовано осадой турецкого Азова. Он его взял только в 1697 году³, после того, как пригласил венецианцев для строительства на Дону галер, которые перекрыли устье реки и не дали туркам прийти на помощь крепости.

Таким образом он познал лучше, чем когда-либо, важность флота, но также он почувствовал крайнее неудобство использования иностранных судов или кораблей, сделанных руками иностранцев. Он захотел избавиться от этого, но поскольку то, что он замыслил, было слишком новым, чтобы быть предметом обсуждения, а исполнение его планов, доверенное кому-то другому, было бы очень ненадежным и медленным, царь решился на смелый и странный на первый взгляд демарш, который в случае неуспеха был бы оправдан лишь немногими, умеющими повсюду распознавать подлинное величие. В 1698 году, не процарствовав самостоятельно и двух лет, он послал в Голландию посольство⁴, руководителями которого были его фаворит женевец Лефорт и великий канцлер граф Головин; царь вошел в их свиту *incognito*, чтобы ехать учиться строительству кораблей.

В Амстердаме он обратился в адмиралтейство компании Обеих Индий и записался плотником под именем Петра Михайлова, а не Петра Михайловича, как он должен бы называться по своему деду, так как в русском языке эта разница в окончании отличает простолюдина от знатного человека; и он хотел, чтобы не осталось никакого следа его высшего сана. Он полностью позабыл о нем или скорее он никогда так хорошо о нем не помнил, если он состоит более в делах полезных для народа, чем в сопутствующих ему великолепии и блеске. Он работал на верфи с большим усердием и пылом, чем его компаньоны, которые не имели сходных побудительных причин. Все узнавали царя, на него указывали друг другу с уважением, вызываемым его высокой целью. Английский король Вильгельм III, находившийся в Голландии, умевший ценить личные достоинства, оказал ему должное уважение; *incognito* отсекало все ложное и кажущееся.

Перед отъездом из своей страны он послал знатных московитских вельмож путешествовать в разные европейские страны, наметив каждому из них в соответствии с известной ему склонностью, чему собственно он

³ Азов был взят в июне 1696 года.

⁴ Великое посольство выехало из Москвы в марте 1697 года.

должен учиться; он также думал рассредоточением вельмож предотвратить опасность, которую могло повлечь его удаление из страны. Некоторые из них повиновались весьма неохотно, и нашелся один, который провел четыре года в Венеции, запершись у себя, чтобы возвратиться с чувством удовлетворения от того, что он ничего не видел и ничего не узнал. Но в целом опыт царя удался: вельможи получили образование в чужих краях, и Европа была для них новым зрелищем, из которого они извлекли пользу.

Царь, видя, что в Голландии кораблестроение ведется только по практическим навыкам мастеров и по традиции, и узнав, что в Англии это делается по планам, в которых точно отмечены все пропорции, посчитал этот способ предпочтительным и отправился в Англию. Король Вильгельм вновь принял его там и, желая сделать ему подарок по его вкусу, который был бы связан с недавно освоенным ремеслом, подарил ему великолепную яхту.

Из Англии царь вернулся в Голландию, чтобы возвратиться затем в свои земли через Германию, увозя с собой знание о строительстве кораблей, приобретенное менее чем за два года, приобретенное им самим, купленное смелым отречением от царского достоинства, ценой, которая показалась бы чрезмерной всем другим монархам.

В Вене он был внезапно отозван новостью о восстании сорока тысяч стрельцов⁵. Приехав в Москву в конце 1699 года⁶, он их всех уничтожил без колебаний, уверенный в том, что его смелость вызовет большее уважение, чем его указы.

С 1700 года он поставил на ноги 30000 регулярной пехоты, часть которой составляли войска, предусмотрительно сформированные ранее и особенно к нему привязанные.

Тогда раскрылся во всем своем объеме великий план, который он предназначал. Все необходимо было делать заново в Московии, там нечего было улучшать. Речь шла о том, чтобы создать новую нацию; и то, что неразрывно с творением: действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов. Слепая политика его предшественников почти полностью отделила Московию от остального мира: коммерция здесь была либо неведома, либо пренебрегаема до крайней степени, а между тем все богатства, даже богатства духовные, зависят от коммерции. Царь открыл свои великие владения, бывшие до тех пор закрытыми. Послав своих знатнейших подданных за знаниями и просвещением за границу, царь привлек в страну, сколько мог, иностранцев, способных просветить его подданных: сухопутных и морских офицеров, матросов, инженеров, математиков, архитекторов, людей, могущих добывать руды и плавить металлы, врачей, хирургов и всякого рода мастеров.

Между тем, все эти новшества давали удобный случай хулителям уже своей новизной и порождали много недовольных; и в этом случае деспоти-

⁵ Восстали четыре стрелецких полка общей численностью менее трех тысяч человек.

⁶ Царь прибыл в Москву в августе 1699 года.

ческая власть, даже используемая по закону, была едва ли не бессильна. Царь имел дело с народом грубым, непокорным, ставшим ленивым из-за малой продуктивности своих трудов, привыкшим к жестоким и часто несправедливым наказаниям, не ценившим жизнь из-за её крайней бедности, убежденным долгим опытом в невозможности трудиться для собственного счастья, и невосприимчивым к этому неведомому счастью. Даже самые нечувствительные и легкие перемены, такие, как отмена старинного платья или бритье длинных бород, вызывали упорное сопротивление и подчас служили причиной мятежей. И чтобы привязать народ к полезным новшествам, нужно было применять силу больше той, что была бы достаточна для народа более мягкого и сговорчивого. Царь тем более обязан был применять силу, что Московиты не признавали величия и превосходства, не основанного на способности к жестокому наказанию, и государь снисходительный и добрый не казался им великим и даже способным быть хозяином.

В 1700 году царь в союзе с польским королем Августом начал войну с королем Швеции Карлом XII, самым опасным и честолюбивым противником, какого можно представить. Это был молодой государь — не просто враг всякой роскоши, но влюбленный в самый изнурительный труд и в суровую жизнь, ищущий опасности как удовольствия, непреодолимо упорный во всех крайностях, куда заводила его смелость. Это был бы Александр [Македонский], если бы имел больше пороков и удачи. Говорят, что царь и он — оба были результатом спекулятивной ошибки абсолютного providения. Равенство, которое могло быть между двумя враждебными монархами, не распространялось на их народы. Московиты, едва получившие представления о дисциплине, не имевшие никакой привычки к доблести, никакой славы, которую они опасались бы потерять и которая могла бы вселить в них смелость, шли против шведов, издавна строго дисциплинированных, привыкших сражаться при сменявшихся друг друга королях-воителях и генералах, одушевленных одним воспоминанием их истории. Сам царь говорил в начале этой войны: «Я хорошо знаю, что мои войска будут долго терпеть поражения, но это научит их в конце концов побеждать». Он вооружился терпением более героическим, чем сама доблесть, и пожертвовал собственной славой тому, чтобы приучить свой народ к войне.

После того, как трудности начального периода войны были пережиты, он одержал несколько достаточно важных побед; успехи сторон стали переменными, что уже делало честь его оружию. Можно было надеяться вскоре помериться силами со шведами на равных — так быстро собрались с силами московиты! Через четыре года царь имел уже немалые успехи в Ливонии и в Ингрии — провинциях, принадлежавших Швеции, — и был в состоянии думать о создании города и порта на Балтийском море, который был бы пристанищем флоту. И действительно, он заложил в 1704 году знаменитый Петербург⁷.

⁷ Петербург был заложен 16/27 мая 1703 года.

Царь продвигался на военной службе по закону, который он предписал сам себе: только за реальные заслуги. В Гродно, что в Литве, где находился польский король со своими вельможами, он просил этого монарха принять командование над русской армией. Через несколько дней царь ему предложил публично через московитского генерала Огильви произвести двух человек в полковничье звание. Король Август ответил, что он не знает еще достаточно московитских офицеров, и просил генерала назвать нескольких наиболее достойных этого звания. Огильви назвал ему князя Александра Меншикова и подполковника Петра Алексеевича, то есть царя. Король сказал, что он знает заслуги Меншикова, и ему немедленно будет отправлен патент; что же касается второго, то он имеет недостаточно сведений о его службе. Пять или шесть дней продолжались ходатайства за Петра Алексеевича, — и наконец король произвел его в полковники. Это была своего рода комедия, но она была поучительной и достойной того, чтобы разыгрываться перед всеми королями.

После больших неудач в борьбе со шведами, имевших место после 1704 года, наконец, царь одержал над ними полную победу в 1709 году под Полтавой. Здесь он показал себя столь же большим полководцем, сколь и храбрым солдатом; он дал понять своим противникам, насколько многому его войска научились от них самих. Большая часть шведской армии попала в плен, а героического шведского короля видели бегущим в турецкие владения, а затем почти пленником в Бендерах. Тогда царь посчитал себя достойным произведения в генерал-лейтенанты.

Он приглашал к своему столу шведских пленных генералов; когда однажды он пил за здоровье своих учителей в военном искусстве, граф Реншильд, один из наиболее знаменитых пленников, спросил, кому он дает столь славный титул. Царь ответил: «Вам, господа генералы». — «Ваше величество неблагодарны, — возразил граф, — столь худо поступая со своими учителями». Царь, чтобы исправить некоторым образом эту славную неблагодарность, велел тут же вернуть им шпаги. Он всегда с ними вел себя так, словно их король, которому они доставили победу.

Он не преминул воспользоваться несчастьем и удалением шведского короля завершил завоевание Ливонии и Ингрии, присоединил к ним Финляндию и часть шведской Померании. Более чем когда-либо он мог заботиться о зарождающемся Петербурге. Он приказал вельможам строить здесь свои дома, и населял его как русскими ремесленниками, так и теми, которых он привлекал из разных стран.

Он приказал строить галеры, которые прежде были неизвестны на этих морях, чтобы достичь скалистых берегов Швеции и Финляндии, недоступных для кораблей с высокими бортами. Он покупал английские корабли, и велел неустанно трудиться над строительством новых судов. Наконец, был построен 90-пушечный корабль, над которым трудились, к его удовольствию, лишь московитские мастера. Этот большой корабль был спущен на море в 1718 году под восклицание всего народа и с помпой, достойной главного плотника.

Поражение шведов под Полтавой доставило ему такое преимущество в отношении введения наук и искусств, какого он и сам не ожидал. Около трех тысяч шведских офицеров были расселены во всех его землях, особенно в Сибири — обширной области, которая тянется вплоть до границ Китая и предназначена для наказания ссыльных москвитов. Эти пленники, испытывавшие недостаток в содержании и не надеявшиеся на скорое возвращение, почти все принялись за различные ремесла, о которых имели хоть малейшее представление, и по необходимости быстро сделались умелыми. Среди них имелись даже знатоки языков и математики. Они составили своеобразную колонию, которая цивилизовала местных жителей. Знания, которые уже были известны в Москве и Петербурге, но долго еще проникали бы в Сибирь, были вдруг перенесены туда.

История должна признавать ошибки великих людей, чему они сами подавали примеры. Турки разорвали перемирие с царем, и он дал возможность их армии окружить себя на берегу реки Прут в 1712 году⁸, в таком месте, где ему грозила неминуемая гибель. Посреди отчаявшейся армии царица Екатерина, которая пожелала следовать за ним, одна осмелилась найти выход; она послала переговорщиков к великому визирю, обещая ему послать большую сумму денег. Визирь впал в искушение, а благоразумие царя довершило дело. В память об этом событии он пожелал, чтобы царица учредила орден Святой Екатерины и стала бы его шефом. И жаловала бы его только дамам. Он испытал полное удовлетворение, будучи обязанным любимому человеку и признаваясь в том публично.

Шведский король, выйдя наконец из турецких владений в 1713 году, после своих поступков в Бендерах не мог притворяться римлянином. Царь опять нашел в нем опасного врага, но укрепил себя союзом с датским королем. Он перенес военные действия в герцогство Голштинское, которое было союзником Швеции. В то же время он производил там постоянные наблюдения и извлекал политические уроки. Он приказывал инженерам снимать планы каждого города, делать рисунки различных мельниц и машин, которых у него еще не было, вникал во все особенности хлебопашества и ремесел, и повсюду он приглашал переселяться к себе умелых мастеров. В Готторпе, принадлежавшем датскому королю, он осматривал большой глобус, имевший внутри вид небесной сферы и изображение земли снаружи, сделанный по проекту Тихо Браге. Двенадцать человек могут сесть внутри его вокруг стола и заниматься наблюдениями над звездами, поворачивая этот огромный глобус. Царь был поражен этим зрелищем, он попросил глобус у датского короля и специально прислал из Петербурга фрегат для его доставки к себе. Астрономы поместили его в большой специально построенный дом.

Московия в 1714 году увидела совершенно новое зрелище, которое и сам царь представлял ей столь рано не без удивления: триумф по поводу морской победы, одержанной над шведами при Гангуте у берегов Финлян-

⁸ Прутский поход состоялся в мае—июле 1711 года.

дии. Московитский флот вошел в гавань Петербурга с захваченными вражескими кораблями и пленным шведским адмиралом Эреншильдом, получившим в этом сражении семь ран. Высадившееся войско с большой помпой проходило под специально возведенной триумфальной аркой. И царь, сражавшийся лично и бывший истинным триумфатором — не столько как монарх, сколько как первый устроитель флота, — участвовал в этой процессии в ранге простого контр-адмирала в соответствии со своим чином. Он проследовал в крепость, где замещавший царя Ромадановский, сидя на троне в окружении сенаторов, объявил ему, получив из его рук реляцию о победе и после долгих расспросов и совещаний, звание вице-адмирала. Этот монарх не имел необходимости в рабе, который сопровождал римских триумфаторов [и порицал их]; он сам умел предписать пределы скромности своему триумфу.

К этому он присоединил доброту и щедрость по отношению к шведскому контр-адмиралу Эреншильду, как прежде к генералу Реншильду. Истинная доблесть, встречая себя в неприятеле, и в нем уважает себя.

С этого места мы будем опускать почти все, что касается войны. Все препятствия были преодолены, хорошие начала были заложены.

В 1716 году царь с царицей отправился на встречу с датским королем в Копенгаген, где провел три месяца. Там он посещал все училища, все академии, виделся со всеми учеными. Ему было все равно: приглашать их к себе или самому идти к ним. Дни напролет он плавал в лодке с двумя инженерами вдоль берегов Дании и Швеции, чтобы измерить все изгибы, изучить дно и все нанести на точнейшую карту, на которой не была бы пропущена ни малейшая песчаная мель. Он был весьма уважаем своими союзниками, которые не препятствовали этому столь тщательному изучению.

Они оказали ему еще более блистательные знаки уважения. Англия была его союзником так же, как и Дания, и эти две державы, соединив свои флоты с его, уступили ему главное командование. Самые опытные морские нации уже хотели подчиняться первому из русских, кто изучил море.

Из Дании он проследовал в Гамбург, из Гамбурга в Ганновер и Вольфенбюттель, повсюду всё осматривая, а оттуда в Голландию, где он оставил царицу, и приехал во Францию в 1717 году. Он уже не мог научиться ничему существенному и ничего важного не мог перенести в свою страну; но он еще не видел Франции, где знания ушли далеко вперед, а общественная обходительность и вежливость — дальше, чем где-либо; надо только опасаться, чтобы мы не почувствовали странного презрения к тому благу, к которому мы слишком привыкли.

Царь был очарован особой короля, бывшего еще ребенком. Мы видели его, проходящим по апартаментам в Лувре за руку с королем, почти берущим короля на руки, чтобы оградить его от толпы, делающего это с такой заботой и нежностью, точно его собственный воспитатель.

19 июня 1717 года он оказал честь Академии наук своим посещением. Она похвасталась всем, что она имела самого нового и интересного в

плане опытов и машин. Возвратившись в свою страну, он велел шотландцу Арескину, своему первому медику, написать господину аббату Биньону, что он хотел бы стать членом этого сообщества, и когда ему оказали такую честь со всем должным уважением и признательностью, то он сам написал письмо, которое не смеем называть благодарственным, поскольку оно исходило от Государя, который давно привык быть Человеком. Сведения об этом напечатаны в истории [Академии] за 1720 год, и сколь ни славен этот случай для академии, мы не будем повторять его. Царю регулярно посылали каждый год том истории, полагающийся академику, и он принимал его с удовольствием от своих собратьев. Науки, ради которых он опускался до положения простого человека, в качестве компенсации должны вознести его до степени Августов и Карлов Великих, которые также были с науками на дружеской ноге.

Чтобы умножить могущество государства до предела, необходимо, чтобы сам правитель знал свою страну почти как географ и физик, отлично представляющий все её естественные преимущества и умеющий ими воспользоваться. Царь неустанно трудился, чтобы приобрести эти знания и умения. В этом он не полагался на министров, которые не привыкли заботиться об общественном благе; он верил только собственным глазам; познавательные путешествия в триста или четыреста лье не были для него тягостны. Он ездил в сопровождении трех или четырех человек и с такой неустранимостью, которая одна может удалить опасности. Также царь в совершенстве знал карту своей обширной империи, что разрабатывал, не боясь ошибиться, великие проекты, основываясь как на общем положении, так и на особенностях своей страны.

Поскольку все меридианы сходятся на полюсе в единую точку, то французы и китайцы, например, сделались бы соседями на Севере, если бы их страны простирались далее в эту сторону. Северное положение Московитской империи при её большой протяженности приводит к тому, что её южные части касаются северных границ великих государств, которые весьма удалены друг от друга на юге. Она соседствует со значительной частью Европы и со всей Азией; её великие реки впадают в различные моря: Двина — в Белое море, которое является частью океана, Дон — в Черное море, связанное со Средиземным, а Волга — в Каспийское море. Царь понимал, что эти реки, до того почти бесполезные, привлекают к нему богатства самых отдаленных стран, если их соединить между собой либо посредством маленьких рек, которые в них впадают, либо посредством каналов, которые он протянет. Он предпринял эти великие работы, приказал сделать необходимое выравнивание, выбрал места, где должны быть прокопаны каналы, и устанавливал количество шлюзов.

Соединение реки Волхова, текущей к Петербургу, с Волгой сейчас закончено, и по воде можно проплыть через всю Россию на расстоянии 800 лье, от Петербурга до Каспийского моря или в Персию. Царь послал в академию план этой великой водной коммуникации, в составлении

которого он принимал участие как инженер; кажется, что он хотел таким образом подтвердить свое звание академика.

Есть еще другой законченный канал, который соединяет Дон с Волгой⁹. Но поскольку турки вновь взяли город Азов, лежащий в устье Дона, то великая польза этого канала зависит от нового завоевания.

На Востоке владычество царя простирается более чем на 1500 лье до границ Китая и приближается к Японским морям. Московитские караваны, отправляемые в Китай, тратят на свое путешествие целый год. Это дало обильный материал для размышлений гения, ибо этот долгий путь может быть сокращен и облегчен, как через соединение рек, так и другими работами, а также договорами с татарскими князьями, которые могли бы дать проезд через их земли. Путешествие могло бы занимать не более четырех месяцев. По его замыслу, все должно сходиться в Петербурге, который по своему положению может быть мировым складом товаров. Этот город, которому он дал жизнь и свое имя, был для него тем же, что Александрия для Александра, её основателя. И как Александрия была расположена столь удачно, что изменила лицо тогдашней торговли, и стала её столицей вместо Тира, так же и Петербург переменит сегодняшние торговые пути и станет центром одной из величайших экономик мира.

Царь обратил свой взор еще дальше. Он хотел узнать, каково положение его владений в отношении Америки; примыкает ли она к Татарии или Северное море образует проход в этом огромном континенте, что открывало бы ему новый свет. Из двух кораблей, что отправились из Архангельска для этого до сих пор невозможного открытия, один был остановлен льдами, а о другом нет известий, он, вероятно, погиб. В начале этого года он отдал приказ искусному морскому капитану построить два судна для той же цели. В таких предприятиях решимость совершить путешествие должна соединиться с упорством исполнителей.

Переворот, произошедший в Персии из-за восстания Махмуда, привлек в эту страну оружие царя и турецкого султана. Царь овладел городом Дербентом на западном побережье Каспийского моря и всем, что ему было необходимо для осуществления проекта по распространению московитской торговли; он приказал составить план этого моря; благодаря этому завоевателю-академику мы наконец узнали его истинную конфигурацию, очень отличающуюся от той, к которой мы привыкли. Академия получила от царя карту его нового Каспийского моря.

Московия имела много рудных богатств, которые однако были неизвестными или находились в небрежении из-за прежней лени и общего уныния народа. Невозможно представить, чтобы они укрылись от живого внимания монарха, касающегося всего. Он вызвал из Германии людей, сведущих в металлургии, и вызволил эти скрытые сокровища; ему доставили золотой песок с берегов Каспийского моря и из глубинки Сибири. Говорят, что фунт такого песка содержит четырнадцать унций чистого золота. По крайней

⁹ Строительство Волго-донского канала не было завершено.

мере, железо, гораздо более необходимое, чем золото, сделалось распространенным в России, а вместе с тем и все связанные с ним ремесла.

Можно лишь кратко обозреть различные учреждения, которыми ему обязана Московия — и то лишь главнейшие.

Пехота в сто тысяч человек, такая же прекрасная и приученная к войне, как у других европейских государств, и большинство офицеров в ней уже московиты. Согласимся, что кавалерия не так хороша из-за отсутствия хороших лошадей.

Флот из сорока линейных кораблей и двухсот галер.

Укрепления, созданные по последним правилам, во всех необходимых местах.

Отличная полиция в больших городах, которые прежде были столь же опасными ночью, как самые отдаленные леса.

Морская и навигационная академия, куда все знатные фамилии должны посылать нескольких своих детей.

Коллегии (училища) в Москве, Петербурге и Киеве для изучения языков, изящной словесности и математики; начальные училища в селах, где крестьянские дети учатся читать и писать.

Медицинская школа и прекрасная общедоступная аптека в Москве, которая обеспечивает лекарствами большие города и армию. До сих пор во всей империи вообще не было врачей, кроме царского лекаря, и никаких аптек.

Публичные уроки анатомии, которой и имя не было известно, и то, что можно считать постоянным прекрасным уроком — кабинет знаменитого Рюйша, купленный царем. В нем собрано большое количество тонких, познавательных и редких препаратов.

Обсерватория, в которой не только астрономы занимаются изучением неба, но и хранятся редкости, касающиеся натуральной истории, которые могут дать повод к скрупулезным физическим исследованиям.

Ботанический сад, где приглашенные им ботаники соберут вместе с известными европейскими образцами растений раритеты из северной Европы, Азии, Персии и Китая.

Типографии, в которых он переменял древний шрифт — варварский и почти неразборчивый из-за частых сокращений. Впрочем, столь трудно читаемые книги были еще более редкими, чем иностранные товары.

Переводчики со всех европейских языков, а также с латинского, греческого, турецкого, калмыцкого, монгольского и китайского знаменуют собой огромную протяженность этой империи и возможность её роста.

Царская библиотека, составленная из трех больших библиотек, купленных в Англии, Голландии и Германии.

Обеспечив своему творению необходимый солидный фундамент, он присоединил к нему то, что служит для украшения и блеска. Он изменил древнюю архитектуру, грубую и безобразную до последней степени, точнее, он способствовал зарождению в стране архитектуры. Мы видим возведенными большое количество регулярных и удобных зданий, несколько

дворцов, общественных зданий, и в особенности адмиралтейство, которое он создал великолепным и величественным, но не ради одного хвастовства и блеска. Он закупил в Италии и во Франции много картин, которые научили тому, что есть живопись, людей, не знавших её за исключением очень плохого изображения их святых. Он посылал в Геную и в Ливорно корабли, нагруженные товарами, которые доставляли ему оттуда мрамор и скульптуру. Папа Климент XI, тронутый его вкусом к искусству, подарил ему античную статую, которую он велел везти в Петербург посуху, из страха рисковать ею на море. Он даже создал кабинет медалей, что является редким новшеством в его стране. Он имел преимущество в том, что заимствовал всё в состоянии, доведенном до совершенства самыми просвещенными и цивилизованными народами, и они его избавляли от столь длительного пути прогресса, который они претерпели; вскоре они увидят русский народ достигшим их уровня, что делает честь этой удаленной части Европы.

Планы царя были настолько обширны, что ему пришло в голову отправить путешествовать в некоторые главные города Германии московских девушек, чтобы они там обучились политесу и манерам, отсутствие которых их сильно портило. Он видел в других странах, насколько занятия искусством помогают природе делать человека любезным, и насколько они важны вообще. Но скоро обнаружилось неудобство таких путешествий, пришлось от них отказаться и ожидать, пока воспитанные и образованные мужья будут в состоянии образовывать своих жен, которые вскоре превзойдут своих учителей.

Всеобщая перемена коснулась и религии, которая была едва достойна имени христианства. Московиты соблюдали множество постов, как все греки; и эти посты, если их строго соблюдать, заменяли им все. Культ святых выролдился в позорное суеверие; каждый имел (изображение) своего святого в доме, чтобы заручиться его особым покровительством, и они даже одаживали друг другу домашнего святого, если чувствовали его помощь; чудеса зависели только от желания и жадности священников. Пастыри, которые сами ничего не знали, ничему не обучали свой народ; и порча нравов, которая может сохраняться определенное время даже вопреки образованию, бесконечно стимулировалась и прирастала благодаря невежеству. Царь решился предпринять реформу многочисленных заблуждений, в чем у него была даже политическая заинтересованность. Например, посты, столь частые и суровые, слишком изматывали войска и подчас делали их неспособными к действиям. Его предшественники избавились от подчинения константинопольскому патриарху и тем обособились. Он же упразднил сам сан патриарха, уже достаточно зависимого от царя, тем самым он еще в большей степени стал хозяином своей церкви. Он создал разнообразные духовные регламенты, умные и полезные, и, что не всегда случается, приложил руку к их исполнению. Сегодня уже проповедуют по-русски в Петербурге: и это новое чудо дополняет здесь другие. Царь решился на большее: он урезал у церквей и у слишком

богатых монастырей избыток их имуществ и использовал его в своих целях. Мы бы хвалили только его политику, а не религиозное усердие, но очищенная религия могла компенсировать эти потери. Он также установил полную свободу совести в своем государстве, — предмет, за и против которого могут равно говорить и политика, и религия

Имея не более 52 лет от роду, он скончался 28 января¹⁰ 1725 года от запора мочи, вызванного абсцессом на шейке мочевого пузыря. Двенадцать дней он страдал от невыносимой боли, и лишь три последних дня находился в постели. Он расстался с жизнью со всем мужеством героя и благочестием христианина. Тремя годами ранее он объявил своим указом, что он имеет полное право распоряжаться наследованием престола, и оставил его царице, своей вдове, которая была признана всеми сословиями государства самодержавной российской императрицей. Он всегда питал к ней нежное чувство, которое она оправдывала своими редкими достоинствами: своею мудростью, способною проникать во все его планы и поддерживать их, своей отвагой, почти равной его мужеству, склонностью к благотворительности, которой достаточно лишь знать о несчастных, чтобы помочь им.

Власть императрицы Екатерины укреплена ещё и глубоким почтением, которое все подданные царя питали к нему. Они почтили его смерть искренними слезами. Вся его слава была им полезна. Если Август хвалился тем, что нашел Рим кирпичным, а оставил его мраморным, мы видим, насколько в этом отношении римский император ниже российского императора. Только что в честь него выбиты медали. На которых он назван Петром Великим; и несомненно имя Великого будет подтверждено согласием иностранцев, необходимых для утверждения этих почетных титулов, данных подданными своему государю.

Его характер достаточно ясен из того, что сказано; можно лишь добавить несколько наиболее заметных особенностей. Он считал недостойными помпезность и пышность, которые бы окружали его персону, и он оставил князю Меншикову пышностью и блеском фаворита представлять величие своего господина. Он поручил ему внешнее блестящее представительство, а за собой закрепил лишь трудоемкие функции. Он их простирал до такой степени, что сам ездил на пожары, которые очень часты в Московии и приводят к большим опустошениям, поскольку дома там обычно деревянные. Он создал специальную службу для оказания помощи в этих случаях и принял на себя в ней одну из должностей; чтобы показать пример, он поднимался на крыши горящих домов, несмотря на опасность; и то, чем мы здесь восхищаемся в простом офицере, практиковал сам император. И от того пожары тушатся сегодня гораздо быстрее. Мы должны остерегаться брать за основания наших суждений нравы деликатные и, так сказать, изнеженные, как у нас. В таком случае мы слишком быстро будем осуждать нравы более твердые и решительные.

¹⁰ По старому стилю, 8 февраля — по новому.

Петр не был лишен некоторой суровости, естественной для всего его народа, и от которой абсолютная власть не могла его излечить. Он исцелился от излишнего употребления горячительных напитков, очень распространенного в Московии, последствия которого могут быть ужасными в том, кому никто не может противиться. Царица умела его успокаивать, вовремя противостоять вспышкам его гнева, смягчать его суровость. И он наслаждался тем редким счастьем, когда опасная власть любви, которая обесславила многих великих людей, была употреблена только для его величия. Он обнаружил со всеми оригинальными документами несчастную историю своего сына царевича Алексея; и то доверие, с которым он сделал весь мир судьей собственного поведения, доказывает, что он не упрекал себя ни в чем. Поразительные черты его милосердия в отношении людей, которые были ему менее дороги и менее важны, также показывают, что его строгость к сыну была необходимой. Он отлично умел чтить достоинства, и это было единственное средство породить их и размножить в своем государстве. Он не довольствовался тем, что оказывал благодеяния, давал пенсии, необходимые и заслуженные милости, отвечающие его государственным замыслам; иногда он оказывал уважение другими способами, более лестными для людей, иногда он оказывал их даже после смерти. Он устроил пышные похороны Арескину, своему первому врачу, и сам присутствовал на них с зажженным факелом в руках. Такую же почесть он оказал двум англичанам: контр-адмиралу своего флота и переводчику.

Мы говорили в 1716 году¹¹, что, консультируясь о своих великих планах со знаменитым Лейбницем, он дал ему почетную должность и значительную пенсию, хотя иностранному ученому было бы достаточно чести подавать советы. Царь сам составил морские трактаты и тем увеличил своим именем немногочисленный список монархов-писателей. Он развлекался работой на токарном станке; он послал свои изделия китайскому императору и соблаговолил подарить одно господину д'Онзан-Бре, кабинет которого он считал достойным столь великого украшения. В развлечениях, которые он устраивал со своим двором, о которых имеются некоторые сообщения, можно найти следы древней Московии; ему хватало того, чтобы снять умственное напряжение, и у него не было времени, чтобы прилагать усилия для утончения удовольствий. Это искусство само приходит вслед за другими.

При краткости его жизни, планы его, требовавшие долгого, твердого и неослабного исполнения, могли бы погибнуть почти при рождении, и всё могло бы обрушиться под собственной тяжестью в древний хаос, если бы императрица Екатерина не наследовала бы корону. Будучи полностью в курсе всех проектов Петра Великого, она сделала их своей путеводной нитью и следовала ей; таким образом, он стал действовать через неё.

¹¹ В похвальном слове Лейбницу. См.: *Fontenelle B de. Éloge de Leibnitz // Oeuvres complètes. T. 1. P. 124.*

Умирая, он ей особенно рекомендовал покровительствовать иностранцам и привлекать их. Делиль, астроном нашей академии, только что отбыл в Петербург, привлеченный милостями императрицы. Николай и Даниэль Бернулли, сыновья Жана Бернулли, имя которого будет бессмертно среди математиков, опередили его на несколько месяцев, а славный Герман, прекрасные труды которого у нас имеются, прибыл в Петербург еще раньше. Какая славная колония для Петербурга! Высшая геометрия бесконечно малых величин проникает в страну, где еще 25 лет назад были совершенно неизвестны основы Эвклидовой геометрии. Мы не говорим о других членах Петербургской академии, они еще прославят себя, ободряемые и поощряемые монаршей властью. В Дании была королева, которую называли Семирамидой Севера; Московии необходимо найти столь же славное имя для своей императрицы.